

УДК 903.5(470.51)“00/04”(045)

**БУСЫ В ЗАХОРОНЕНИЯХ ВОИНОВ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ТАРАСОВСКОГО МОГИЛЬНИКА)**

© 2015 Е.В. Голдина, Л.И. Липина

Удмуртский государственный университет, г.Ижевск

Поступила в редакцию 17.03.2015

В статье представлены результаты анализа находок бус, обнаруженных рядом с мечами в погребениях эталонного памятника первой половины I тыс. н.э. в Среднем Прикамье – Тарасовского могильника. Проанализирован сопровождающий инвентарь данных погребений, включая халцедоновые диски. Рассмотрены гипотезы использования крупных бусин в портупейных наборах мечей, происхождения практики привешивания бусин к оружию и причины ее появления у населения Среднего Прикамья.

Ключевые слова: Среднее Прикамье, ранний железный век, мечи, бусы, фиксаторы ножен, темлячные подвески, магические подвески, халцедоновые диски, культурные влияния, миграции вооруженных групп.

Тарасовский могильник – один из крупнейших раскопанных финно-угорских могильников в России (1880 погребений). Он расположен у с.Тарасово Сарапульского района Удмуртской Республики, на правом берегу р.Камы. На протяжении 18 лет (1980–1997 гг.) памятник изучался Камско-Вятской археологической экспедицией Удмуртского государственного университета под руководством Р.Д. Голдиной. По мнению автора раскопок, он существовал на протяжении первой половины I тыс. н.э. и представляет собой один из самых ярких памятников чегандинского варианта пьяноборской общности¹.

Бусы являются массовой категорией материала на Тарасовском могильнике (18512 экз.; 611 погребений, 32,5% могил). Их находки многочисленны в женских (34,5%) и достаточно часты в мужских (14,5%) захоронениях. В области пояса погребенных мужчин рядом с ножом и (или) мечом нередко встречались оригинальные крупные одиночные экземпляры. Данная статья посвящена анализу находок мечей с бусинами².

На Тарасовском могильнике мечи выявлены в 25 могилах (1,3% от общего количества захоронений) у 26 костяков³. Бусины вместе с мечами обнаружены в 11 погребениях (44% от всех находок мечей). Как правило, эти погребения (помимо иного инвентаря) содержат одновременно меч, нож и бусину (погр.4, 6, 60, 782, 1685, 1703) или меч и бусину (погр.446, 765Б, 1772, 1779). В погребении 765А бусы сопровождали и нож, и меч. Причем рядом с мечом найдена крупная

халцедоновая бусина, а рядом с ножом – стеклянная и меньших размеров. Чаще всего бусина располагалась в области верхней трети меча вместе с ножом или без него (например, рис.1). Преобладали стеклянные одноцветные бусины, декорированный экземпляр обнаружен один раз (погр.1772; таблица). Кроме того, зафиксированы три халцедоновые (погр.60, 765А, 782) и одна хрустальная (погр.6) бусины.

Морфологические характеристики мечей Тарасовского могильника определены С.Р. Волковым. Они в большинстве своем имели сравнительно длинные клинки (70–80 см), ширину от 3,1 до 5,6 см и являлись преимущественно двулезвийными без перекрестий, в сечении – уплощенный ромб или овал⁴.

Мечи с бусинами зафиксированы и на соседних территориях. На могильниках мазунинского типа известны находки мечей (без металлического навершия, двулезвийные) с бусинами в средней части ножен (21 случай)⁵. Бусины из халцедона, янтаря или стекла находились также около мечей или кинжалов в погребениях курганной части Тураевского I могильника IV–V вв. н.э. (курган V, курган VII погр.1а, 1б)⁶. Один подобный случай известен и в его грунтовой части (погр.171)⁷. Находки мечей нередки на памятниках азелинского типа, где ножны в верхней части также обычно снабжались крупной стеклянной или халцедоновой бусиной (Азелинский могильник, погр.5; Суворовский могильник, погр.1, 17, 20, 30)⁸.

Существует несколько гипотез использования крупной бусины, найденной рядом с мечом: в качестве фиксатора ножен или узлов на ремешках, в виде темлячной, декоративной и (или) магической подвески.

Проведя исследование непотревоженных комплексов длинных сарматских мечей II–III вв. и иконографического материала, С.И. Безуглов

Голдина Екатерина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры гражданского права.

E-mail: goldina66@uandex.ru

Липина Лариса Ивановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории искусства и художественно-педагогического моделирования.

E-mail: lipinali@gmail.com

пришел к выводу, что крупные бусины являлись функционально-декоративными деталями портупейных ремней и выполняли функцию фиксатора ножен⁹. По мнению Т.А. Габуева, бусина служила ограничителем движения меча по портупейному ремню. Придав мечу наиболее удобное положение, воин передвигал ее на портупейном ремне, ограничивая тем самым движение меча. Такой способ ношения меча называют вертикальным. Наиболее ранними свидетельствами вертикального способа ношения клинкового оружия можно считать изображения мечей со скобой на ножнах V в. до н.э. в Китае. На рубеже эр этот способ подвешивания получил широкое распространение. В раннем средневековье на Востоке появилась тенденция к облегчению вооружения, что повлекло распространение системы наклонного подвешивания более легкого меча, а затем палаша и сабли. Однако вертикальный способ продолжал существовать. В Европе он использовался в течение всего средневековья, что было обусловлено господством тяжелого вооружения¹⁰.

По наблюдениям А.В. Симоненко, у сарматов Северного Причерноморья рукояти мечей и кинжалов могли иметь темляки, для украшения которых, вероятно, применялись бусы и ворварки. Кроме того, крупные бусины, пронизи, пряжки и раковины, найденные в районе рукоятей, могли служить своеобразными фиксаторами, препятствовавшими скольжению меча на портупейном ремне¹¹. Проанализировав некоторые более ранние находки бусин рядом с конской упряжью и (или) в районе портупейного пояса, А.В. Симоненко определяет их возможное утилитарное назначение: «фиксация узлов на ремешках»¹². В.В. Белоусов, изучив более 300 погребальных комплексов, содержащих наборы оружия сарматов Подонья I-IV вв., считает, что бусы и пронизи, найденные рядом с мечами, могли служить в качестве подвесок, украшавших эфес меча, либо выполняли роль ворварки, либо служили специальными ограничителями – фиксаторами ножен¹³.

По нашему мнению, версия об использовании бусины в качестве фиксатора ножен на портупейном ремне, импонирующая своим рациональным объяснением, несмотря на подробные описания, не имеет изобразительных источников для подтверждения. Редким примером изображений, где можно различить бусины на ремешке, идущем от пояса к мечу, является монументальная живопись Пянджикента. На фресках изображены одетые в роскошные одежды воины с парадным оружием – узкими богато украшенными мечами и кинжалами в ножнах. К мечам от ремней тянутся тонкие шнуры, на которые нанизаны от 1 до 3 бусин, еще 3 – подвешены на устье ножен¹⁴. Были эти бусины украшением или фиксатором ножен, сказать сложно. Сохранность Тарасовского, да и всего азелинско-мазунинского материала не

позволяет достоверно воспроизвести механизм соединения портупейного ремня с оружием. Фрагменты кожи, сохранившиеся благодаря многочисленной бронзовой гарнитуре, меч, нож и бусина – вот набор артефактов, имеющих в распоряжении исследователя. Более того, далеко не все бусины являются крупными (таблица). Часть из них имеет диаметр 9-17 мм и диаметр отверстия – 2-3 мм. Такое отверстие слишком узко для продевания в него кожаного ремешка, способного выдержать тяжесть меча или даже крупного ножа. Кроме того, хрупкость материала наводит на мысль, что эти бусины не могли быть использованы в качестве ограничителя движения меча на ремне. По-видимому, для применения в качестве фиксатора ножен или узлов на ремешках были более пригодны массивные экземпляры (диаметр 19-29 мм, диаметр отверстия 5-9 мм).

Версия использования бусины в качестве темлячной подвески широко представлена в литературе. Темляк – петля из ремня или ленты на эфесе шпаги, палаша, сабли или шашки, надеваемая на руку при нанесении удара¹⁵. Темляк может иметь бусину, передвигая которую, можно уменьшить или увеличить размер петли. Темляк мог крепиться у навершия рукояти или у её основания. Местонахождение большинства бусин, изучаемых погребений – на расстоянии около 10-15 см от основания рукояти – свидетельствует скорее о втором варианте крепления (рис. 2). Контекст находок бусин в Тарасовском могильнике в большинстве случаев не даёт однозначного ответа на вопрос, какому именно оружию они сопутствовали. Например, в погребении 1685 бусина (№13 на рис. 1) могла быть темлячной подвеской как меча (№7), так и ножа (№8), так как находится на равном расстоянии от рукоятей обоих изделий, но ее размер и массивность свидетельствуют скорее о принадлежности к более крупному оружию. Бусина (№16), обнаруженная возле правой стопы погребенного, вероятно, также играла роль темлячной подвески на древке копья (№2).

Бусинам, крепившимся к рукояти меча или верхней части ножен, приписывались еще и магические свойства, благодаря которым они придавали силу оружию и оберегали его владельца¹⁶. По мнению Э. Окшотта, подобные бусины в германских сагах назывались «камнем жизни» и представляли собой магическую подвеску, способную исцелять раны. Бусины из камня, керамики, стекла и других материалов, лежащие рядом с мечами, нередко находили в германских могилах эпохи Великого переселения народов¹⁷.

В вопросе о происхождении практики привешивания бусин к клинковому оружию среди исследователей нет единого мнения. С.И. Безуглов считает, что традиция использования крупных бус для оформления воинского снаряжения была характерна для поздних сарматов¹⁸. По мнению

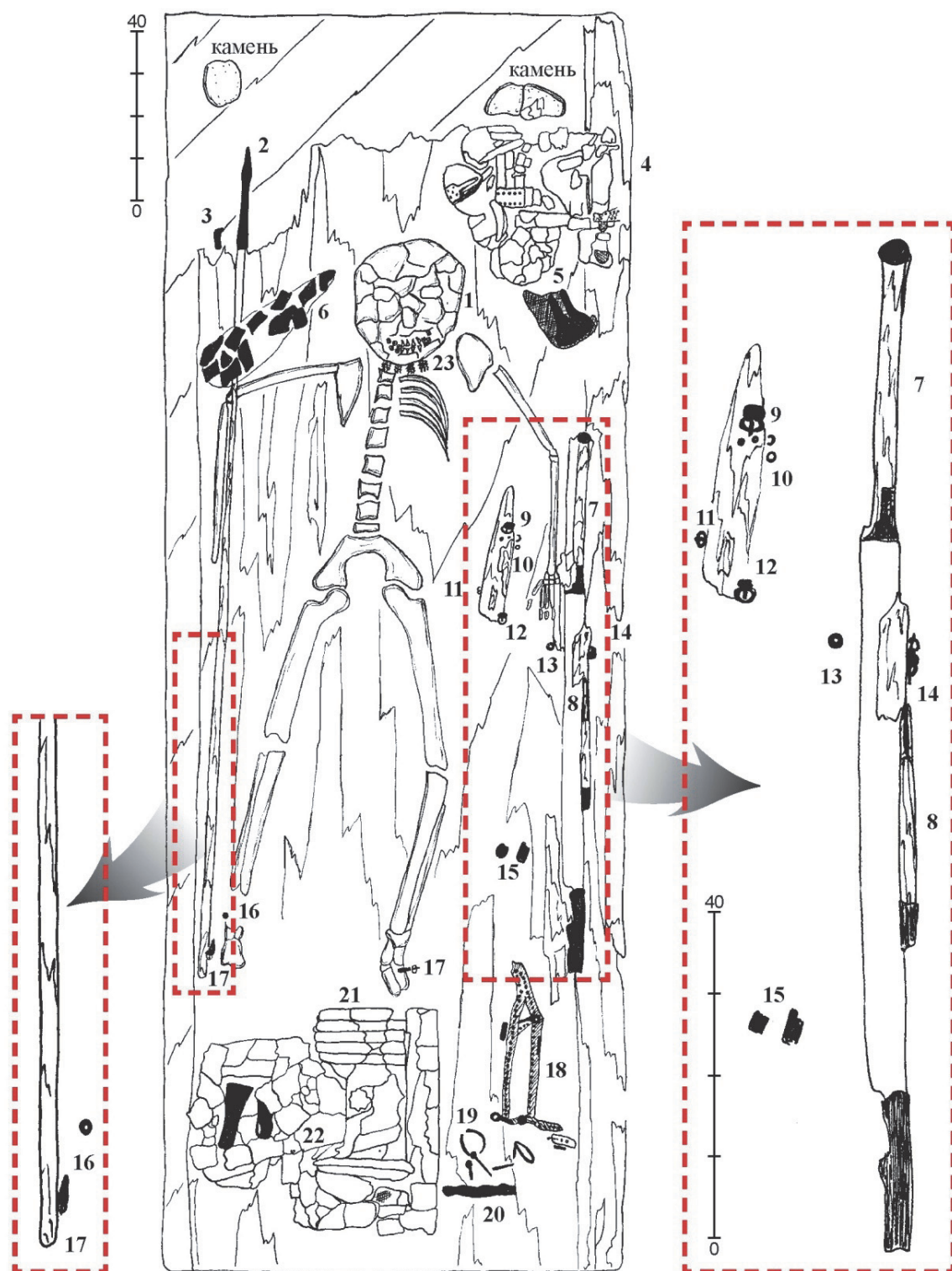

Рис. 1. Тарасовский могильник. План погребения 1685.

- 1 – зубы и тлен костяка; 2 – копье с железным наконечником; 3 – костяная вещь (рассып.); 4 – железный шлем; 5 – железный втульчатый топор; 6 – фр-ты железной вещи; 7 – железный меч с деревянной рукоятью, окрашенной красной краской (рукоять украшена бронзовой обмоткой и халцедоновым диском-навершием); 8 – железный нож в деревянных ножнах; 9 – бронзовая пряжка; 10 – фр-ты бронзовых накладок (5 экз.); 11–12 – бронзовые пряжки; 13 – стеклянная бусина; 14 – бронзовая пряжка; 15 – фр-ты бронзовых вещей; 16 – стеклянная бусина; 17 – бронзовые обувные пряжки с бронзовыми наконечниками ремней (2 экз.); 18 – кожаная узда, украшенная бронзовыми накладками; 19 – фр-ты железных удилищ; 20 – фр-т железного стремени; 21 – железный пластинчатый панцирь; 22 – железные проушные топоры (4 экз.); 23 – фр-ты золотой (?) канители.

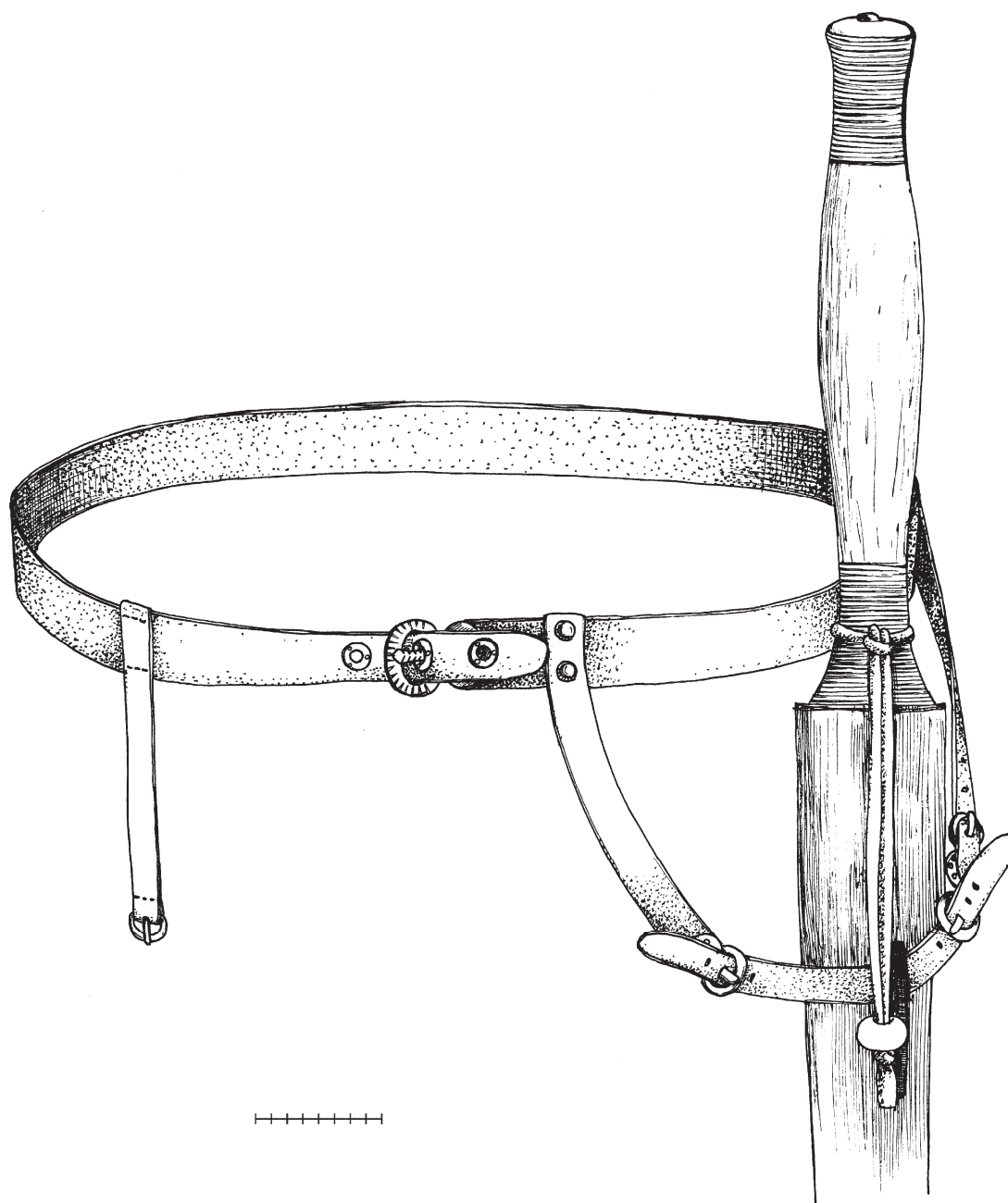

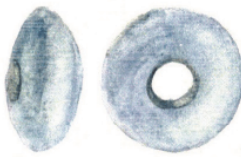
Рис. 2. Тарасовский могильник. Реконструкция способа крепления меча с бусиной на темляке из погребения 1685

А.М. Хазанова, можно говорить об общеиранском характере обычая привешивания крупной бусины к оружию¹⁹. А.П. Зыков утверждает, что эта особенность может служить одним из доказательств германского происхождения мечей с бусинами – «камнем жизни»²⁰. По-видимому, это явление было столь ярким, что быстро распространилось в разной этнической среде и использовалось длительное время.

Пытаясь объяснить причину появления этой практики в лесных культурах волго-камского бассейна, С.И. Безуглов пишет, что это своеобразный отклик традиции позднесарматских дружинников II-III вв. По мнению исследова-

теля, детали не позволяют считать прикамские клинки импортными с юга, но без сомнения, они изготовлены по их образцу и подобию. Вполне узнаваемы халцедоновые бусы и кружки, находимые с этими мечами. Вероятно, контакты с сильными и богатыми номадами способствовали заимствованию и консервации местной военной знатью некоторых культурных элементов и показателей социального престижа. Одним из них, видимо, и были длинные мечи²¹. Р.В. Матвеев также полагает, что появление длинных мечей у населения Волго-Вятского междуречья в памятниках азелинского типа связано с позднесарматским влиянием²². Однако детальный

Таблица. Тарасовский могильник. Характеристика бус, обнаруженных рядом с мечами

№ типа*		Характеристика бусины		№ погр.	Высота бусины (см)	Диаметр бусины (см)	Диаметр отверстия (см)
	IVA59	стеклянные	зонная сине-фиолетовая непрозрачная	446	0,6	0,9	0,3
	IVA66		зонная оливкового слабого цвета полупрозрачная	4	0,8 0,7	1,4 1,7	0,2 0,3
	IVA71		бочонкообразная сине-фиолетовая непрозрачная	4	1,2	1,4	0,6
	VIII A1		зонная зеленая полупрозрачная	1685	1,3	2,3	0,8
	VIII B1a		зонная зеленая полупрозрачная с поперечными чередующимися красно-коричневыми полосами и желтыми волнами	1772	1,5	2,2	0,6
	XII 2	хрустальная зонная		6	0,9	1,2	0,2
	XII E3	халцедоновая зонная		60	1,2	1,9	0,5
				765A	1,9	2,1	0,5
				782	1,5	2,9	0,9
	XIVA7	из раковины в форме шайбы		1779	0,8	2,6	0,5

*Номера типов являются продолжением классификации, разработанной для бус неволинской культуры (Голдина Е.В., 2010. С.24-47). Бусины из погребений 765Б и 1703 рассыпались

анализ мечей Прикамья и сопровождающего их инвентаря показывает, что однозначная оценка их как проявления культурного влияния уже невозможна.

Металлографические исследования мечей Тарасовского могильника, проведенные к.и.н. С.Е. Перевощиковым, показали, что у населения, оставившего данный памятник, находились в употреблении мечи различного качества: от высококачественных цельносталей, которые могли быть откованы в специализированных производственных центрах стран Востока, до

мечей, изготовленных по местным технологиям. Мечи из погребений 782, 1772, содержащих бусы, и погребения 1737, их не имеющего, выполнены из высококачественного металла и могли быть продукцией ремесленных центров стран Востока²³.

Кроме того, импортные мечи из литой стали, полученной в тиглях, характеризующейся высоким содержанием углерода, выявлены Л.С. Розановой и Н.Н. Тереховой в могилах азелинского типа (могильники Усть-Брыска, Тюм-Тюм, Гремяча). Производство литой стали тигельным способом было распространено в странах Древне-

го Востока (Индия, Персия, Сирия) еще до рубежа нашей эры. Для сарматов подобные изделия были нехарактерны²⁴.

Обращает на себя внимание своеобразный набор инвентаря в этих могилах²⁵. Почти всегда в захоронениях присутствует пояс с пряжкой и наконечником ремня. В погребении 1772 пряжка и наконечник украшены стеклянными вставками, здесь же найден футляр какого-то предмета со стеклянными вставками, обложенный тонкими пластинами золотой фольги. В могиле 765А обнаружен серебряный наконечник ремня. Другие находки убедительно демонстрируют воинский характер анализируемых погребенных: железные топоры (погр. 1685 – 5 экз.; 1772 – 2 экз.), железные секировидные предметы (погр. 1779 – 2 экз.), наконечники копий (погр. 1703; 1772; 1779), уздечки (погр. 4, 6, 60, 765А и Б, 782, 1685), шлемы (погр. 6, 782, 1685), панцирь (погр. 1685). Интересна находка железной крицы из погребения 782, которая была произведена за пределами Прикамья и представляла собой полуфабрикат – металл, готовый к работе, не требующий дополнительной обработки, что особенно удобно при длительных перемещениях. Таких криц на Тарасовском могильнике найдено еще две (погр. 1679)²⁶.

Очень часто мечи, снабженные бусинами, имеют на рукояти или недалеко от нее халцедоновые диски (погр. 4, 765А и Б, 782, 1685). В Приуралье пока известно 24 пункта с 133 находками халцедоновых дисков. Основная масса их сосредоточена в Волго-Вятском междуречье. Именно здесь располагается 17 объектов со 118 экземплярами дисков. В Пермском Прикамье эти предметы единичны и встречаются как анахронизм на памятниках преимущественно более позднего времени (Верх-Сая, Деменки)²⁷. Халцедоновые диски Прикамья выполнены из голубоватого, коричневатого, молочного с белыми прожилками или желтоватого вариантов халцедонов – опалов, кахолонгов, сапфиринов²⁸. Диски представляют собой идеально круглые предметы: диаметр – от 3,0 до 6,2 см, толщина – от 1,1 до 1,85 см. В сечении диски имеют овал, эллипс или сегмент. Отверстия для крепления располагаются по центру предмета, имеют круглую форму и диаметр 0,5-0,6 см. Значительный интерес представляет применение дисков в жизни древнего населения Прикамья. По данным И.Ю. Пастушенко и В.А. Бернц, в 13 случаях они использовались в качестве навершия к мечам. 31 диск служил украшением к кожаному ремню (8 случаев), 28 дисков (16 случаев) применялись как подвески к гривнам или ожерельям из бус, 8 дисков (3 случая) найдены в составе подарочных наборов, и функция 27 дисков не определена²⁹. Примечательно, что для украшения поясов кроме халцедоновых дисков использовались накладки прикамских типов, местные застёжки (напри-

мер, эполетообразные). В ожерельях чаще всего использовались диски по одному или несколько (2-3 экз.). Очевидно, что это погребения женщин, которые принадлежали к особому слою, близкому мужчинам, сопровождавшимся мечами с навершиями из подобных же халцедоновых дисков. Напрашивается предположение, что характер халцедоновых дисков в мужских и женских могилах разный. Мечи с дисками принадлежали хорошо вооруженным мужчинам-воинам, появившимся в Прикамье в уже сложившейся экипировке. Женские пояса и ожерелья были сделаны местными мастерами, использовавшими привезенные издалека красивые предметы мужчинами-воинами. Современные источники позволяют утверждать – мечи из качественной стали с халцедоновыми дисками на рукоятях и бусинами из различных материалов были привнесены в Прикамье группой (группами) вооруженных воинов юго-западного происхождения³⁰.

Кроме Прикамья, халцедоновые диски зафиксированы также на Южном Урале, на Боспоре, в Нижнем Подонье и Нижнем Поволжье, причем здесь они использовались преимущественно в качестве навершия для мечей³¹.

С.И. Безугловым убедительно обоснована дата позднесарматских мечей с халцедоновыми навершиями на памятниках степной полосы Восточной Европы – II-III вв. н.э., обрисован ареал их распространения и четко сформулирован тезис об их среднеазиатских истоках³². Последний особенно важен, если учесть, что именно в странах Востока существовали давние традиции камнерезного дела, в том числе обработки халцедонов, и именно здесь еще до рубежа н.э. умели получать литую сталь. Вполне возможно, что эти изделия были сделаны в мастерских Средней Азии, а затем распространились в среде кочевников при посредничестве поздних сарматов.

Население лесной и лесостепной зоны Заволжья и Приуралья было достаточно тесно связано с позднесарматским миром, контакты с которым прослеживаются и в «обратном» направлении. Так, в южноуральских степях с III в. н.э. получает широкое распространение своеобразная стилистическая группа предметов ремennых гарнитур (пряжек, наконечников ремней, деталей узды), ряда разновидностей фибул, а также некоторых предметов воинского снаряжения. Возможными районами производства подобных вещей могли стать ремесленные центры Волго-Камья³³.

В литературе уже высказано мнение о внедрении в первой половине I тыс. н.э. в финно-угорскую среду гото-славянских мигрантов юго-западного происхождения³⁴. В пользу этого предположения высказаны следующие аргументы: появление воинских захоронений (Тарасово, Азелино, Суворово и др.), сопровождавшихся большим количеством импортных

вещей и прежде всего предметов вооружения (мечей с халцедоновыми навершиями, шлемов, секировидных предметов, боевых «кос-горбуш»), а также появление множества халцедоновых дисков, использованных местным населением для украшения поясов и шейных ожерелий. Исходя из современных материалов можно предполагать существование нескольких волн пришельцев в Поволжье и Прикамье: первая – в середине III в. – следствие появления готов в Причерноморье; вторая – в третьей четверти IV в. – военная активность готов времен Германариха (350-375 гг.); третья – в четвертой четверти IV в. – время последствий вторжения гуннов в Европу и появления в Прикамье именьковцев и сопутствующих им групп.

Работа над хронологией Тарасовского могильника показала, что все 11 захоронений Тарасовского могильника с мечами и бусинами, судя по сопровождающему инвентарю, относятся к IV в. (устное сообщение Р.Д. Голдиной). Дальнейшие исследования в этом направлении позволят, по-видимому, уточнить дату появления в Прикамье милитаризованных групп.

Таким образом, крупные бусы, входившие в состав портупейных ремней, на которые привешивали мечи, вероятно, могли выполнять функцию фиксатора ножен или ограничителя движения меча по портупейному ремню, а также закреплять узлы на ремешках, поскольку меч, как предмет тяжелый и объемный, требовал дополнительных приспособлений для его крепления. Кроме того, бусина подвешивалась на темляк, который крепился у основания рукояти. Она выполняла также магическую функцию, играя роль оберега или «камня жизни». Традиция применения бусин в оформлении предметов вооружения прослеживается на широкой территории от Китая до Западной Европы в течение многих веков, скорее всего, не может быть присуща какой-то определенной этнической группе и связана с так называемым вертикальным способом крепления меча воина-всадника. Возможно, традиция привешивания бусины к ножу возникла у прикамских народов под влиянием контактов с позднесарматским населением (III в.), а позднее мечи с халцедоновыми дисками-навершиями и крупными бусинами были принесены мужчинами-воинами, появившимися в Прикамье в уже сложившейся экипировке во второй половине IV в. н.э. из юго-западных районов Евразии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I-V вв. на Средней Каме. Том I. Ижевск: Удмуртия, 2004. С.3, 301, 306.
- ² Авторы выражают благодарность за ценные консультации Р.Д. Голдиной и С.Е. Перевощикову.
- ³ Сабиров Т.Р. Погребальный обряд Тарасовского могильника I-V вв. на Средней Каме. Дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2011. С.83-84.

- ⁴ Волков С.Р. Предметы вооружения Тарасовского могильника. Ижевск. Рукопись. // Архив кафедры археологии УдГУ.
- ⁵ Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III-V вв. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1997. С.73, 74.
- ⁶ Генинг В.Ф. Тураевский могильник V в. н.э. (Захоронения военачальников) // Из археологии Волго-Камья. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФ АН СССР, 1976. Рис.14-1. С.69-72; Рис. 14-2. Стр. 74-77; С.80, 87, 94.
- ⁷ Голдина Р.Д., Бернц В.А. Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть). Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Том 17. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2010. Стр.43, 44. Табл.120, 121.
- ⁸ Генинг В.Ф. Азелинская культура III-V вв. Очерки истории Вятского края в эпоху великого переселения народов. Труды Удмуртской археологической экспедиции. Т.2. Ижевск. 1963. С.100, 109, 117-119, 124, 125. Табл. XXIII-2. Рис.48, 56, 64, 68.
- ⁹ Безуглов С.И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону: материалы и исследования по археологии Дона: сб. научн. тр. Ростов н/Д: ООО «Терра»; НПК «Гефест», 2000. Вып.1. С.172, 177, 178; Безуглов С.И. Позднесарматский меч из ст.Камышевской // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. VII Донская археологическая конференция. Тезисы докладов. Ростов-на-Дону, 1998. [Электронный ресурс]. URL: <http://annales.info/life/don7/bezuglov.htm> (дата обращения 16.02.2015).
- ¹⁰ Габуев Т.А. Аланский всадник. Сокровища князей I-XII веков: Каталог выставки. М.: ГМИНВ, 2005. С.7-8. Габуев Т.А. Разящий клинок алан [Электронный ресурс] URL: <http://corsairs-harbour.ru/forums/showthread.php> (дата обращения 16.02.2015).
- ¹¹ Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2010. С.61, 67.
- ¹² Симоненко А.В., Дзюладзе Е.С. Бусы – воинские амулеты III-II вв. до н.э. // Золото, конь и человек: Сборник статей к 60-летию Александра Владимировича Симоненко. Киев: КНТ, 2012. С.315.
- ¹³ Белоусов В.В. Вооружение и военное дело сарматов Подонья I- IV вв. Дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2010. С. 90-91.
- ¹⁴ Костров П.И. Техника живописи и консервация росписей древнего Пянджикента // Живопись древнего Пянджикента. М.: Издательство Академии наук СССР, 1954. Табл. XXXVI-XXXIX; Якубовский А.Ю. Вопросы изучения пянджикентской живописи // Там же. Табл. XXII.
- ¹⁵ Словарь иностранных слов. М.: Советская энциклопедия, 1964. С.634.
- ¹⁶ Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. С.13; Симоненко А.В., Дзюладзе Е.С. Указ. соч. С.316; Симоненко А.В. Указ соч. С.309-319; Радюш О.А., Щеглова О.А. Волниковский «клад» и Курское Посеймье в эпоху Великого переселения народов. Курск: Курский государственный областной музей археологии, 2012. С.20.
- ¹⁷ Оксиотт Э. Археология оружия. От бронзового века до эпохи ренессанса. М.: Центрполиграф, 2004. С.121, 122. Рис.40.
- ¹⁸ Безуглов С.И. Указ соч. С.172, 177, 178.
- ¹⁹ Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. С.13, 25.

- ²⁰ Зыков А.П., Ковригин А.А. Щит и меч отчизны. Оружие Урала с древнейших времен до наших дней: научно-популярное издание. Екатеринбург: ООО «Издательство «Раритет», 2008. С.70.
- ²¹ Безуглов С.И. Указ соч. С.181.
- ²² Матвеев Р.В. Вооружение населения Волго-Вятского междуречья в конце II-IV вв. н.э. Дисс...канд. ист. наук. Казань 2013. С.45-49.
- ²³ Перевоицков С.Е., Малых О.О. К вопросу о происхождении мечей Тарасовского могильника (по данным металлографии) // Вестник Челябинского университета. 2014. №22 (351). История. Вып.61. С.18-25.
- ²⁴ Розанова Л.С., Терехова Н.Н. Культурные контакты азелинских племён (по данным археологической металлографии) // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья: сб. научн. тр. М.: ГИМ, 2000. С.136-137.
- ²⁵ Голдина Р.Д. Указ. соч.; Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I-V вв. на Средней Каме. Том II. Ижевск: Удмуртия, 2003. 721 с.
- ²⁶ Перевоицков С.Е., Сабирова Т.М. Металлургическая продукция в Среднем Прикамье по материалам Тарасовского могильника I-V веков. // Вестник Пермского университета. 2014. Вып.1(24). С.72-73.
- ²⁷ Голдина Е.В., Голдина Р.Д. «Дальний импорт» Прикамья – своеобразное проявление процессов взаимодействия народов Евразии (VIII в. до н.э. – IX в. н.э.) // Голдина Е.В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV-IX вв.). Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2010. С.185-186. Рис.53.
- ²⁸ Определения А.В. Сергеева, кандидата географических наук, доцента кафедры геологии нефти и газа нефтяного факультета УдГУ.
- ²⁹ Пастушенко И.Ю., Бернц В.А. Халцедоновые диски в культуре населения Прикамья // Finno-Ugrica: сб. научн. тр. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2008. №11. С.15.
- ³⁰ Голдина Е.В., Голдина Р.Д. Указ. соч. С.185-187.
- ³¹ Пастушенко И.Ю., Бернц В.А. Указ. соч. С.14.
- ³² Безуглов С.И. Указ соч. С.169-193.
- ³³ Яблонский Л.Т., Малашев В.Ю. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: По материалам могильника Покровка 10. М.: Восточная литература, 2008. С.69; Малашев В.Ю. Некоторые аспекты контактов носителей позднесарматской культуры южноуральских степей с населением лесной и лесостепной полосы Поволжья и Приуралья // Сарматы и внешний мир. Уфимский археологический вестник. Уфа, 2014. Вып.14. С.21.
- ³⁴ Например, Голдина Р.Д. Древняя средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 1999. С.262-266; Перевоицков С.Е., Пастушенко И.Ю. «Косы-горбуши» в средневековых памятниках Прикамья // Российские немцы: история и современность: материалы науч.-практ. конф. Вып.5. Ижевск: Удмуртский университет, 2006; Пастушенко И.Ю. Этнокультурная ситуация в Прикамье в середине I тыс. н.э. // Материалы и исследования по археологии Восточной Европы. Казань: Школа, 2009.

BEADS IN BURIALS OF WARRIORS (ON THE MATERIALS OF THE TARASOVO BURIAL GROUND)

© 2015 E.V. Goldina, L.I. Lipina

Udmurt State University, Izhevsk

The article focuses on the beads which were founded in burials of warriors along with swords in Tarasovo burial ground. It is the largest and the richest necropolis in the Middle-Kama region, which is dated by the first half of the I millennium A.D. The authors also analyze the accompanying equipment from the burials including the chalcedony discs. The authors offer the hypothesis for using beads on the sword-belt set, for the origins of the weapons decoration with beads, and for the reasons for which the people of the Middle-Kama region used such a practice.

Key words: the Middle-Kama region, early Iron Age, swords, beads, thongs, scabbard-holder, pendants for sword-knot, magic pendants, chalcedony discs, cultural influences, migrations of armed groups.

*Ekaterina Goldina, Candidate of History, Associate Professor,
Department of Civil Law.*

E-mail: goldina66@yandex.ru

*Larisa Lipina, Candidate of History, Associate Professor,
Department Of History Of Art And Art-Pedagogical Modeling.*

E-mail: lipinali@gmail.com